

В начале 1934 года в Москве прошел 17-й съезд ВКП(б) - «съезд победителей». Имелась в виду победа сталинского ЦК над всеми партийными оппозициями и перелом в коллективизации. Съезд поставил задачу во Второй пятилетке «установить в СССР социалистический способ производства». На партийном форуме говорилось и о необходимости развивать торговлю и сворачивать коммуны. Как считали лидеры ВКП(б), никакого противоречия в этом нет. Некоторые левые считают так и сегодня...

Среди документов съезда есть резолюция «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Помимо прочего, в ней говорится: «XVII съезд ВКП(б) устанавливает, что второй пятилетний план развития народного хозяйства, представленный Госпланом Союза и принятый ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР, обеспечивает: а) ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию, на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирования всех кустарей, частной собственности на средства производства; ликвидацию многоукладности экономики Советского Союза и установление социалистического способа производства, как единственного способа производства, с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества».

В свое время - еще до «отступления» в виде НЭПа, В. Ленин много внимания уделял тому, каким должно быть социалистическое общество. В апреле 1918 года, в работе «Очерковые задачи Советской власти» он отмечал: «Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономичных труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее».

Упоминание о коммунах не было для него случайной оговоркой. В феврале 1919 года, в проекте Программы РКП(б) он писал: «(...) рядом постепенных, но неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между производственными и потребительскими коммунами единого хозяйственного целого, каким должна стать Советская республика». Более того, сама вторая Программа партии гласила: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат». Так писал Ленин, когда задачу перехода к коммунистическим общественным отношениям большевики еще ставили всерьез. Впоследствии реалии отсталой крестьянской страны заставили его писать уже другое - о переходе к государственному капитализму...

Впрочем, независимо от колебаний Ленина, очевидно, что в обществе, которое достигло отмирания государства или хотя бы движется к нему, все экономические и социальные вопросы должны решаться самим населением. Для этого людям понадобятся постоянно действующие организационные структуры как на произ-

водстве так и по месту жительства. Уже это во многом выводит на систему производственно-потребительских коммун. Развитие таких коммун тождественно приближению коммунистических отношений.

В первые годы Советской власти, - в период «революционной романтики», - действительно, возникло много коммун как на селе, так и в городе. Причем, если в деревне коммуны обычно носили производственный характер, то город чаще всего давал образцы потребительских коммун. В частности, организовывались коллективное потребление жилищно-бытовых услуг. Об этом лобопытно пишет историк Наталия Лебина в работе «Советский дом-коммуна: границы тела»: «С октября 1917 года видные питерские большевики совместно проживали в здании Смольного института, где помимо административных служб размещались библиотека-читальня, музыкальная школа, Смольный детский дом (ясли), баня, столовая. К 1920 году из имеющихся в комплексе зданий Смольного 725 квартир и комнат 594 были жилыми. Здесь обитали примерно 600

человек, которых обслуживало более тысячи рабочих и служащих: медики, повара, истопники, слесари, охранники и т. д.». Лебина приводит и другие факты: «В первой половине 1920-х годов прижить фаланстеры на российской почве попытались комсомольцы. Чаще всего это была индивидуальная инициатива. Первые молодежные коммуны стали появляться в центральном промышленном районе России. Молодые люди организовывали общее жилье в старых фабричных казармах, объединяясь вместе для преодоления материальных трудностей. Именно так поступили в 1923 году 10 девушек-текстильщиц из Иваново-Вознесенска. Они создали в одной из комнат фабричного барака коммуны «Ленинский загал». Посуды у коммунарок практически не было: ели из общей миски. Одежду обобществили - одни туфли носили по очереди. Коммунистическим в этом нищенском существовании был лишь портрет Л. Троцкого - поборника борьбы за новый быт».

КОММУНЫ БЫЛИ "ОТЛОЖЕНЫ"...

человек, которых обслуживало более тысячи рабочих и служащих: медики, повара, истопники, слесари, охранники и т. д.».

И еще: «Коммуны стали образовываться на основе ударных производственных бригад при заводах и фабриках. Но поселялись коммунары, как и в самом начале 1920-х годов, в совершенно не приспособленных для общего проживания помещениях: в старых казармах, красных уголках при клубах, нередко даже в комнатах коммунальных квартир. Соблюдение жилищно-санитарных норм в данном случае властные структуры не требовали. Во многих случаях члены коммуны обобществляли 40-60, а иногда и 100 квартир. Журнал «Смена» писал о жизни в бытовых коллективах: «Всем распоряжается безликий и многоликий товарищ-коллектив. Он выдает деньги на обеды (дома только чай и ужин), закупает трамвайные билеты, табак, выписывает газеты, отсылает суммы на баню и кино» (Смена 1929: 2-3). Кое-где из общей казны даже оплачивались алименты за разведенных коммунаров. Как и в начале 1920-х годов, в большинстве коммун доминировали аскетические принципы быта. Запрещалось, например, по собственному желанию на дополнительно заработанные деньги покупать себе вещи без санкции коллектива».

Подобные примеры позволили И. Сталину на 17 съезде партии констатировать: «В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т. е. члены коммуны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелкобуржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммун. Этим, собственно, и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадают лишь единицами и десятками. По этой же причине коммуны, чтобы отстоять свое существование и не развалиться, оказались вынужденными отказаться от обобществления быта, начинают работать по трудовым, стали выдавать зерно на дом, допускают личное владение домашней птицей, мелким скотом, коровой и т. д., но из этого сле-

дует, что коммуны фактически перешли на положение артелей. И в этом нет ничего плохого, ибо этого требуют интересы здорового развития массового колхозного движения».

Это не значит, конечно, что коммуна вообще не нужна, что она не является больше высшей формой колхозного движения. Нет, коммуна нужна и она, конечно, является высшей формой колхозного движения, но не нынешняя коммуна, которая возникла на базе неразвитой техники и недостатка продуктов и которая сама перекладывает на положение артели, а - будущая коммуна, которая возникнет на базе более развитой техники и обилия продуктов».

Кстати, критикуя уравнилительный характер части коммун, Сталин на съезде нанес еще один удар влево: «Пришлось преодолеть, далее, предрассудки другого рода. Речь идет о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части наших работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки, что незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен. Следует отметить, что эта левацко-мелкобуржуазная болтовня, играющая на руку капиталистическим элементам, стремящимся сорвать развертывание советской торговли, имеет хождение не только среди одной части «красных профессоров», но и среди некоторых работников торговли. Конечно, смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена». Таким образом, товарно-денежные отношения, «по оценке уважительной причине», не преодолевались, а наоборот, становились важной частью советского хозяйственного механизма...

Но вернемся к коммунах. Справедливо критикуя уравниловку во многих из них, Сталин не счел нужным вспомнить о коммунах существовавших в системе ОГПУ - коммунах для малолетних преступников. Эти коммуны - тема отдельного большого разговора. Здесь отметим лишь, что именно данные коллективы ближе всех в СССР подошли к коммунистическим отношениям. Кстати, они и продержались дольше других - до конца 1930-х годов.

В знаменитой «Педагогической поэме» Антона Макаренку подробно описаны ростки коммунизма в этих коммунах: «Сначала у нас не было никакой конституции. Командиры назначались мною, но к весне все чаще и чаще я стал собирать совещание командиров, которому скоро ребята присвоили новое и более красивое название: «совет командиров». Я быстро привык ничего важного не принимать без совета командиров; постепенно и назначение командиров перешло к совету, который таким образом стал пополняться путем кооптации. (...) Благодаря способу кооптации мы имели всегда прямо великодушных командиров, и в то же время мы имели совет, который никогда как целое не прекращал своей деятельности и не выходил в отставку».

Очень важным правилом, сохранившимся до сегодняшнего дня, было полное запрещение каких бы то ни было привилегий для командира: он никогда не получал ничего дополнительно и никогда не освобождался от

работы». Помимо установления коллективизма в управлении коммуной, в ней были сделаны шаги к преодолению разделения труда через постоянную ротацию кадров - важнейшему признаку коммунизма. В «Поэме» этот момент подчеркнут особо: «К весне двадцать третьего года мы подошли к очень важному усложнению системы отрядов. Это усложнение, собственно говоря, было самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории. Только оно позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказа и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовалось аристократии - командной касты».

Это изобретение было - сводный отряд. (...) Сводный отряд был всегда отрядом только рабочих. Как только заканчивалась его работа и ребята возвращались в колонию, сводного отряда больше не существовало. (...) Каждый сводный отряд составлялся на неделю, следовательно, и отдельный колонист во вторую неделю обычно получал участие в новом сводном, на новой работе, под командой нового комсводотряда. Командир сводного назначался советом командиров тоже на неделю, а после этого переходил в новый сводный обыкновенно уже не командиром, а рядовым членом.

Совет командиров всегда старался проводить через нагрузку комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудачных. Это было справедливо, потому что командование сводным отрядом связано было с большой ответственностью и заботами. Благодаря такой системе большинство колонистов участвовало не только в рабочей функции, но и в функции организаторской. Это было очень важно и было как раз то, что нужно коммунистическому воспитанию. (...) Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряду, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать

над коллективом отдельный колонист».

Вот как выглядит на практике, не раз упоминавшийся В. Лениным после Великого Октября «Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» (Доклад VII съезду РКП(б), март 1918 г.)!

Примечательно, что детская коммуна оказалась весьма передовой и в производственном плане. Помимо эффективной обработки полей и садов, там наладили развитое мебельное производство.

Показателен пример и другой коммуны ОГПУ - «Болшевской». Она располагалась под Москвой и тоже имела серьезный производственный потенциал. После ликвидации коммуны, на ее базе даже создали военное предприятие, а впоследствии - машиностроительный завод.

В работах посвященных «Болшевской» коммуны, современные авторы

отмечают: «На выбор предлагалось - шить спортивную обувь, слесарить, позже большевики начали выпускать коньки, заработало трикотажное производство. Работать в совхозе желающих не нашлось - народ в коммуны весь городской. Ничего страшного: «Жизнь преступника слишком опасна и неопределенна, поэтому, когда он становится на трудный путь, он хочет иметь твердую устойчивость, какую может дать ему завод». Тем более, что будущее свое большевики планировали в городе. Привычка к тому, что они здесь - хозяева, давалась непросто. В первые дни воровали ложки, вилки из столовой, ключи от склада, где лежал их инструмент. Остепенились. Так же постепенно вошли во вкус самоуправления, появились цеховые комиссии, которые принимали у коммунаров на ряд ряд. Все, что касалось производства: брать ли заказ на ночные туфли, профессионально ли действует цехком, кто заслуживает премии, обсуждалось всеми. Темпераментно. Иногда обсуждение бывает более бурное, чем нужно бы, но страсти утихают, будущие администраторы и руководители фабрик и заводов приходят к единому решению».

Но к моменту 17-го съезда СССР жил уже не по коммунарко-коммунистическим порядкам. Тон задавала сумевшая выделиться и «стать над коллективом» партхозноменклатура. В течение 30-х годов все коммуны были ликвидированы, независимо от успеха или неуспеха их деятельности. Многие их участники оказались в заключении. Привыкшие к реальному самоуправлению коммунары не соответствовали новому главному требованию, предъявляемому властью к советскому человеку - следовать приказам сверху. Этого несоответствия номенклатура не прощала. Вполне логично, что она уничтожила систему, производившую целевые коллективы самостоятельно мыслящих людей. Чиновникам была нужна пусть безликая, но послушная толпа. Сегодня очевидно, что они немало преуспели в соответствующем воспитании народа...

Итак, на «съезде победителей» под грандиозными планами производства стали и чугуна, по сути, были похоронены даже те небольшие ростки коммунистических отношений, которым удалось пробиться через экономическую отсталость страны. Дальнейшее развитие советского строя неуклонно вело его в противоположную коммунизму сторону. И привело... Впрочем, это уже вопрос истории. Сейчас гораздо важнее, насколько сегодняшние левые близки к пониманию коммунизма именно как системы производственно-потребительских коммун. Эти коммуны и подобные им нерыночные, основанные на самоорганизации работников, инициативы только и могут стать фундаментом устойчивой коммунистической революционности. Тем более что современное производство вполне способно избавить коммунаров от жизни «на базе неразвитой техники и недостатка продуктов». Есть из «общей миски» уже не придется!

